

АВТОРСКОЕ (НО НЕ ТОЛЬКО) ВИДЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Автор: Ж. Т. ТОЩЕНКО

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич - член-корреспондент РАН (E-mail: socis@isras.ru).

Размышление¹ над этим оригинальным и глубоко аргументированным произведением хотел бы начать со слов автора: *"Мы как профессиональное сообщество имеем богатое прошлое, которое пока описано весьма поверхностно. И надо торопиться в его познании: то, что сейчас еще относительно просто узнать и описать, к сожалению, уже завтра может стать очень сложным или вообще невозможным"* (т. 3, с. 417).

И в самом деле, чем мы больше отдаляемся от событий недавнего прошлого - создания Советской социологической ассоциации в 1958 г. и образования в 1968 г. Института социологии АН СССР (тогда Института конкретных социальных исследований), тем актуальней становится осмысление пройденного пути, особенно тех лет, когда становилась советская (российская) социология. До сих пор предприняты ряд попыток осмыслить пройденный путь (Осипов Г. В. Возрождение социологии в России: как это было на самом деле. М., 2008; Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М., 1996; Вехи российской социологии: 1950 - 2000-е годы / Под ред. Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовского. М., 2009). Кроме того, в ряде работ дан анализ отдельных этапов в развитии советской социологии (см. Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г. С. Батыгина. М., 1999; Заславская Т. И. Избр. произв. Т. 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М., 2007; Руткевич М. Н. Развитие философии и социологии в Уральском университете (40 - 70-е годы). М., 2003; Фирсов Б. М. История советской социологии 1950 - 1980-х гг. СПб. 2011 и др.). Однако это был в основном анализ с точки зрения институционального подхода - какие организационные формы принимала социология, какие исследования проводились, как становилось социологическое образование и т.д.

Автор же предложил новаторский принципиально иной подход - *биографоцентричный*, когда главным источником эмпирической информации становятся воспоминания социологов, они же являются базой для формирования исследовательских гипотез и инструментом для проверки этих научных допущений. Этот подход, на наш взгляд, органически дополняет институциональный, обогащает его, показывает "в цвете" те поиски и находки, без которых история может остаться некоей скучной схемой. Конечно, такой подход имеет свои особенности, которые могут обращать внимание на то, что отражает научную и мировоззренческую позицию автора. В этой

---

¹ Рецензия на книгу Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х т. Электронный ресурс. М.: ЦСПиМ. 2012. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/htm/menu.htm (дата обращения: 04.02.13).

связи Б. Докторов отмечает: *"Читатели, давно работающие в социологии, будут комментировать некоторые страницы словами: "Да, помню, так и было" или "Это было, но не так", а представители новых поколений социологов - "Неужели это было?!"*.

Биографоцентричный подход выявил многообразие жизненных путей социологов. Прежде всего, надо отметить, что, так как не было специального социологического образования, социологи комплектовались из всех отраслей знаний. Кто только не приходил в социологию. Помню, в 1980-е гг., в мою бытность вице-президентом Советской социологической ассоциации (ССА), мы сделали попытку проанализировать, какие профессии имеются у тех, кто называет себя социологом (на тот период времени в ССА насчитывалось свыше 15 тыс. членов). И мы обнаружили такой спектр профессий, что легче было сказать, кто не представлен в социологии - от астрофизика до воспитателя детского сада, от математика до выпускника балетной школы, от железнодорожника до моряка дальнего плавания. Что касается биографий, попавших в данные тома, то их жизненные пути были также разнообразны и непохожи друг на друга, что для Докторова сначала представило значительную трудность - найти черты и характеристики, которые позволили бы представить этих людей как единое профессиональное сообщество, а развитие социологии как органический поиск истины при всем многообразии взглядов и позиций. В своем труде он пишет о том, что, начав эту работу в 2004 г. и собрав сначала несколько интервью, он долгое время искал тот методологический прием, который бы позволил 44 биографии представить в научно обоснованном плане и в то же время связать их с историей становления социологии как науки. И вот на свет ***появилась авторская концепция, которая подразделяет социологов на 6 поколений и зарождения нового седьмого***, рожденных в 1920-х гг., в основном во второй их половине; конца 20-х - первой половины 30-х гг.; с середины 30-х гг. - до завершения Второй мировой войны; вторая половина 40-х - до начала "оттепели"; с 1959 г. до 1970 - до 1982 гг.; с начала 70-х гг. до первой половины 1980-х гг.; с середины 1980-х гг. до середины 1990-х гг. и, наконец, те, кто только стал заявлять себя в социологии, будучи рожден в 1990-е гг. Интересно авторское решение этой периодизации: каждое из этих поколений сменялось примерно через 12 лет. И каждое из них вносило свою лепту в развитие социологии, что в значительной степени носило отпечаток того времени, когда ее представители становились исследователями. Причем, особое внимание он уделяет тем, кто стоял у истоков - Ядову В. А., Грушину Б. А., Леваде Ю. А., Заславской Т. И., Лапину Н. И., Здравомыслову А. Г., Ельмееву В. А., Шляпентоху В. Э. В личной беседе Докторов объяснял, что были возражения против помещения в этот список некоторых лиц из-за различных мировоззренческих позиций. Но он посчитал должным, сохраняя верность историческим фактам и событиям, написать так, как это было на самом деле, не скрывая и не затушевывая имеющиеся разногласия, особенно проявившиеся в постсоветской России. И в самом деле, если внимательно прочитать интервью-биографии многих социологов, то выявится множество подходов в трактовке сущности и содержания социологии, которые отражают именно авторское видение социальных проблем, на которые они пытались искренне (и в этом Докторов не сомневается) дать свой ответ на волнующие общества вопросы.

Этот оригинальный подход к изучению истории социологии в нашей стране, на наш взгляд, дает еще одно основание судить о том, что им была достаточно глубоко и *тщательно обоснована возможность перехода от личных воспоминаний к процессу воссоздания социологической науки*. Это широкое полотно судеб самых разных людей позволяет увидеть всю историю становления социологии, а их совокупность воссоздает ее тернистый путь. В этих жизненных путях были и достижения и поражения - и неоднократные попытки продемонстрировать официальной власти, что за этой наукой стоит будущее, что она может быть действенным средством решения назревающих социальных проблем; и отчаянное сопротивление ретроградов, догматиков и просто перестраховщиков; и самые различные санкции против "нарушителей" линии партии, что особенно явно проявилось в судьбе Ю. Левады, В. Ядова,

стр. 151

Н. Алексеева, не считая многочисленных попреков и различных ограничивающих акций. Но именно личные судьбы позволяют выявить сложности преодоления препятствий на этом пути, увидеть как шаг за шагом социология отвоёвывала новые рубежи. Это очень наглядно видно даже из официальных названий Института социологии, который был образован в 1968 г, как Институт конкретных социальных исследований, затем в 1972 г. он стал Институтом социологических исследований, и только в 1989 г. - стал носить современное название. А за этим стояло одно - долгие годы признание социологии как науки отрицалась по самым различным поводам и самыми различными способами. Некоторых из них я могу назвать. Даже после образования ИКСИ и создания ССА вице-президент АН СССР П. Федосеев, академики Ф. Константинов, Л. Ильичев и другие говорили, что о социологии можно говорить только как об историческом материализме. "Исторический материализм и есть марксистско-ленинская социология", - утверждали они. Не меньший вклад в отрицание социологии вносили представители научного коммунизма, которые отводили социологии роль сбора фактов, данных, сведений, но которые осмысливать и интерпретировать могут только истматчики и "научные коммунисты". Помню отчаянное сопротивление Министерства высшего образования СССР и его зам. министра Мохова, который упорно сопротивлялся введению специальности. Хотя уже, начиная с 1960-х гг., в ряде университетов страны де факто самоотверженными представителями социологии велись обучение и подготовка тех, кто стал считать себя социологом, несмотря на другой профиль подготовки. Так, в МГУ обучение методологии и методике социологических исследований велось на философском факультете, что самоотверженно осуществляла на кафедре прикладных исследований профессор Г. М. Андреева. В Ленинградском университете к этому процессу много сил приложили экономисты (В. Я. Ельмеев), юристы (Д. А. Керимов), психологи (Е. С. Кузьмин). В Уральском университете проводниками идей социологии стали такие известные философы как М. Т. Иовчук, М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган. В Томском университете это реализовывали юристы, в Новосибирском университете - экономисты, в Иркутском - историки. Нечто подобное было и в других вузах, причем при самых разных даже специфических сочетаниях. Например, в Уфимском авиационном институте социологическое просвещение будущих инженеров наряду с интенсивным развитием прикладных исследований начал осуществлять Н. А. Аитов.

О противоречиях и нестыковках такого процесса - обучение и подготовка социологов - говорит и такой парадоксальный факт. С середины 1970-х гг. ВАК СССР стал принимать к защите диссертации по прикладной социологии (правда, с присвоением степени кандидата/доктора философских наук). А самой социологии в вузах страны официально не было. Вот и получалась кентаврическая картина - образования высшего по социологии нет, а научные степени - есть.

Анализируя ответы социологов на его вопросы, автор пришел к выводу, что, говоря о возвращении социологии в лоно науки и социальной практики, ***следует говорить не о возрождении, а о втором рождении социологии.*** Это очень интересное и в тоже время, на наш взгляд, обоснованное утверждение. По его мнению, социологи первого поколения, да и в значительной степени второго, в своем становлении опирались не столько на труды русских социологов XIX - начала XX вв., сколько на разработки западных коллег, что, кстати, очень отчетливо проявилось в исследованиях 1960-х гг. Даже такие актуальные и волнующие общество вопросы как проблемы труда на промышленных предприятиях, проблемы молодежи в значительной степени учитывали наработки западной социологии труда, социологии молодежи и т.д. И только в тех случаях, когда специфика советской действительности резко отличалась от европейской или американской, например, при исследовании социально-политической активности, рождались собственные методики со всеми их плюсами и минусами, что, в конечном счете, позволило их постоянно совершенствовать и получать достойные результаты. Докторов отмечает и такой момент в беседе социологами, особенно первого и второго поколений - все они в своей аргументации по поводу своего прихода в

стр. 152

социологию и в своих первых опытах проведения социологических исследований не использовали ни факты, ни данные, которые принадлежат к истории социологической мысли в России.

Анализируя собранные интервью, Докторов показал, что второе рождение социологии сопровождалось, особенно в 1960-е гг., появлением различных теоретических концепций, которые знаменовали поиск принципиально новых идей, которые стали не только ориентиром, но и гордостью советской социологии. К таким уникальным явлениям, по мнению автора, нужно отнести проект В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова "Человек и его работа", становление советской модели изучения общественного мнения, осуществленного Б. А. Грушиным, исследования советской деревни во всех ее противоречивых проявлениях, реализованных Т. И. Заславской, анализ инноваций и трудового потенциала под руководством Н. И. Лапина. Знаменательно и замечательно, что этот поиск родил одну из удивительных и весьма поучительных страниц становящейся науки как заводская социология, два ярких представителя которой - Б. И. Максимов и Б. Г. Тукумцев - представлены в этой галерее портретов. Правда, можно возразить такой постановке - ведь многие из 44 человек в той или иной мере были включены в заводскую (или иную, прикладную) социологию, которая и послужила для многих началом их творчества как специалистов в этой области знаний. Да и эти два названные представителя не исчерпывают весь перечень имен, гремевших на всю страну в эти годы - В. И. Герчиков на Пермском телефонном заводе, А. К. Зайцев -

на КАМАЗе, В. В. Щербина - в Мосглававтострое, М. А. Гуревич - на Северском трубном заводе, ставших потом крупными учеными в соответствующей области знаний.

На наш взгляд, есть еще одно замечательное качество труда Докторова - через судьбы биографических ***интервью можно видеть не только историю социологии, но и историю страны.*** Дело в том, что в авторской рефлексии отражалась не только профессиональная жизнь, но и процесс социализации, социальные корни, что символизировало становление дававшего интервью как гражданина, как члена общества. Именно повествование социологов о своей жизни позволяло видеть как те или иные официальные события отражались в его жизни, в какие реальные процессы он был включен, как апробировались его идеи, насколько они оказались приемлемыми для официальных структур. И в этих личностных путях представлены великие и трагические события: и Великая Отечественная война (особенно для тех, кто сам был непосредственным ее участником, и для тех, кто относится к группе "дети войны"), и репрессии, особенно ГУЛАГ, и комсомольские ударные стройки, и выговоры по партийной линии и разные идеологические "выволочки", опыт работы на предприятиях или в школе. Ознакомившись с этими биографиями, можно сказать, что в них нашли отражение все основные проблемы развития страны и по ним можно воссоздать не только личную, но и общую историю, хотя это будет специфическое ее отражение.

Значительный интерес представляет авторская ауторефлексия, что нашло отражение в его личном видении тех событий, свидетелем которых он был, в личной интерпретации событий, которые происходили с конкретными лицами в конкретной социально-исторической ситуации. Прежде всего, привлекает тот прием изучения биографий, который постепенно вызрел у Докторова, и который можно охарактеризовать как творческая находка, ибо она позволяет объединить в органическом единстве личное и социальное, увидеть социальное в индивидуальном пути интервьюируемого. Обращаю внимание читателя: текст рассказа каждого из участников представлен блоками: 1) рассказ о родителях и предшествующих поколениях; 2) процесс социализации (детство и юность) 3) профессиональное становление; 4) характеристика своего личного пути в социологии со всеми его особенностями, касающегося самого широкого круга вопросов - от лично научных поисков до оценки состояния отечественной науки, от видения перспектив развития до взаимоотношений с властными структурами.

Интересны и сами размышления автора по поводу развития социологии в нашей стране и долгие годы, до отъезда в США, был ее непосредственным участии-

---

ком. Правда, автор сам оговаривается, что в основном дали интервью представители Санкт-Петербурга (где трудился сам автор) и Москвы. И хотя автор в беседах постоянно возвращается и рассуждает о судьбе ученых, которые оставили заметный след в социологии, таких как М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган, Н. А. Аитов, в том числе и наших коллег на Украине, в Грузии, в Беларуси, в прибалтийских республиках (ведь вместе с ними мы создавали советскую, а не какую-то другую, социологию!), все же это создает впечатление некоторой

незавершенности. Возможно, это планы будущего, в том числе и в том плане, который использовал сам автор, когда сам написал о тех, у кого не успел взять интервью - у Ю. А. Левады, у Б. А. Грушина, Г. С. Батыгина и некоторых других.

Искренен автор и в своих личных трактовках и объяснениях понимания процесса развития российской/советской социологии. Если в первом томе он излагает принципы своего исследования, дает аргументы, доказывающие его замысел создать историю российской социологии с "человеческим лицом" или истории, написанные от лица тех, кто ее делал и делает" (т. 1. с. 414), то каждый, кто заглянет в третий том, откроет мнение самого автора о страницах этой истории, где многое построено на обсуждении самых различных проблем с Ядовым и Фирсовым, и узнает для себя много интересного и поучительного. В частности, что определило судьбу социологов первых волн - социальная потребность или персонально-личностные черты? В споре с Мелвином Коном и дается позиция участвующих в дискуссии. И может быть подтолкнет читателей этого произведения на использование применяемого Докторовым метода познания социально-исторической действительности, а также вдохновит на попытку ответить на вопросы, которые поставлены жизнью, но не нашли еще достойного ответа.

Таким образом, автору, как он сам говорил о своем стремлении, удалось создать широкое полотно авторского (но не только его) видения истории развития социологии в социально-личностном плане, нарисовать портреты, как на основе личных контактов, так и на глубоком и обстоятельном знакомстве с обширной литературой, рожденной социологической мыслью, начиная с 1950-х гг. Но так как это полотно не охватывает всех участников процесса развития российской социологии, этот труд нуждается в продолжении, совершенствовании и привлечении не только российских, но и наших коллег в ближайшем зарубежье, с кем вторично рождалась и мужала советская социология.